

Д. Милль

Основания политической экономии

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 330
ББК 65
Д11

Д11 **Д. Милль**
Основания политической экономии / Д. Милль – М.: Книга по Требованию, 2024. – 902 с.

ISBN 978-5-458-42584-1

Социологическая работа, посвященная исследованию некоторых экономических направлений и попыткам объединить их.

ISBN 978-5-458-42584-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

Предварительныя замѣчанія.

Во всякой области человѣческой жизни опытъ является гораздо раньше науки; систематическое изслѣдованіе способовъ, по которымъ дѣйствуютъ силы природы, есть позднѣйшій результатъ безконечнаго ряда усилій примѣнить эти силы для практическихъ цѣлей. Взглядъ на политическую экономію, какъ на отрасль науки, возникъ недавно; но предметъ, о которомъ трактуютъ ея изслѣдованія во всѣ вѣка, necessarily представлялъ для человѣчества главный практическій интересъ, и иногда даже незаслуженно преувеличенный.

Этотъ предметъ—богатство. Экономисты занимаются изученіемъ и изслѣдованіемъ природы богатства въ связи съ законами его производства и распредѣленія; сюда также относятся прямо или косвенно изслѣдованія всѣхъ причинъ, въ силу которыхъ положеніе цѣлаго человѣчества или отдѣльнаго общества въ отношеніи богатства,—этого общаго предмета человѣческихъ желаній,—становится благопріятнымъ или неблагопріятнымъ.

Обсужденіе и даже перечисленіе всѣхъ этихъ причинъ недоступно для трактата по политической экономіи: его цѣль—познать всѣ данныя о законахъ и принципахъ, по которымъ причины эти дѣйствуютъ.

Каждый имѣетъ довольно правильное для обыденной жизни понятіе о томъ, что такое богатство. Изслѣдованія, относящіяся къ нему, не могутъ быть смѣшаны съ изслѣдованіемъ о какомъ-нибудь другомъ великомъ человѣческомъ интересѣ. Каждый знаетъ, что не одно и то же—быть богатымъ или быть просвѣщеннымъ, храбрымъ и гуманнымъ, что вопросы, какимъ образомъ нація сдѣлалась богатой и какимъ образомъ она сдѣлалась сильной, свободной, знаменитой своей литературой, искусствами, оружіемъ и политическими учрежденіями, относятся къ совершенно различнымъ

областями изслѣдованія. Правда, всѣ эти вещи косвенно связаны между собою и воздѣйствуютъ одна на другую. Народъ иногда становится свободенъ вслѣдствіе того, что раньше онъ сталъ богатъ, или же богатъ оттого, что раньше сталъ свободенъ. Религія и законы народа могущественно вліяютъ на его экономическое положеніе, а оно, въ свою очередь, посредствомъ вліянія на умственное развитіе и социальныя отношенія, воздѣйствуетъ на религію и законы. Но предметы эти, несмотря на ихъ близкое соприкосновеніе, все-таки, существенно различны, и это никогда не оспаривалось.

Нашъ трактатъ не задается цѣлью подыскивать съ метафизической точностью опредѣленія, разъ уже самъ терминъ даетъ опредѣленное понятіе, вполне удовлетворяющее требованіямъ практическихъ цѣлей. Но, какъ бы ни казалось невозможнымъ возникновеніе какого-либо недоразумѣнія по такому простому предмету, какъ вопросъ о томъ, что нужно разумѣть подъ богатствомъ,—историческій фактъ, что такое смѣшеніе понятій существовало. Теоретики и опытные государственные люди, а одно время и всѣ вообще были заражены пчмъ въ одинаковой степени и на много поколѣній оно дало совершенно неправильное направленіе европейской государственной жизни. Я говорю о господствѣ ряда доктринъ, получившихъ со временъ Адама Смита наименованіе меркантильной системы.

Пока эта система господствовала въ политикѣ всѣхъ государствъ, предполагалось явно или тайно, что богатство состоитъ единственно въ деньгахъ или же въ драгоценныхъ металлахъ, которые хотя и не имѣютъ вида денегъ, но могутъ непосредственно быть обращены въ нихъ. Согласно съ господствовавшимъ тогда ученіемъ, все, что способствуетъ накопленію денегъ и драгоценныхъ металловъ въ странѣ, увеличиваетъ ея богатство. Все, что уноситъ драгоценные металлы изъ страны, истощаетъ ее. Если въ странѣ не было золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ, то она могла обогатиться только одною отраслью промышленности — вѣншею торговлею, которая являлась единственнымъ способомъ ввоза денегъ. На всякую промышленность, относительно которой предполагалось, что она вывозитъ больше денегъ, чѣмъ ввозитъ, смотрѣли какъ на убыточную, какъ бы ни былъ великъ и цѣпенъ ея доходъ въ другой формѣ. Вывозу товаровъ покровительствовали и поощряли его даже мѣрами, чрезвычайно тягостными для дѣйствительныхъ средствъ страны, такъ какъ рассчитывали получить равноцѣнность въ золотѣ и серебрѣ при платежѣ за товары деньгами. Ввозъ чего-либо другого, кромѣ драгоценныхъ металловъ, считался потерей для націи всей стоимости ввезеннаго; исключеніе составляли только товары, предназначенные къ обратному вывозу съ прибылью, а также и инструменты, необходимыя для промышленности, существующей въ самой странѣ, и дающіе возможность съ меньшими издержками производить вывозные товары и тѣмъ расширить вывозъ. На всемірную торговлю смотрѣли, какъ на борьбу между націями, въ которой каждая стремится захватить себѣ боль-

шую долю существующаго золота или серебра. и въ этомъ соперничествѣ ни одна нація не могла выиграть ничего, не нанеся другимъ ущерба въ такой же мѣрѣ или, по крайней мѣрѣ, не помѣшавъ ихъ выигрывать.

Часто случается, что всеобщее убѣжденіе одного вѣка, убѣжденіе, отъ котораго тогда, безъ чрезвычайныхъ успѣховъ генія и смѣлости, никто не былъ и не могъ быть свободенъ, становится для послѣдующихъ вѣковъ такой осязательной нелѣпостью, что трудно себѣ представить, какъ подобная вещь могла когда-либо казаться вѣроятной. Такъ случилось и съ ученіемъ, что деньги и богатство — синонимы. Мысль кажется слишкомъ нелѣпой для того, чтобы ее принять за серьезное мнѣніе. Она похожа на незрѣлыя фантазіи дѣтства, тотчасъ же исправляемые однимъ словомъ взрослого человѣка. Но пусть никто не будетъ увѣренъ, что избѣжалъ бы заблужденій, если бы жилъ во время ихъ господства. Всѣ соображенія, возбуждаемые обыденной жизнью и обыкновеннымъ теченіемъ дѣлъ, подтверждали ихъ; пока эти соображенія представляли единственный путь для изслѣдованія предмета, казалось очевидной истиной все, что мы теперь признаемъ такою грубою нелѣпостью. Разъ подвергли эту мысль критикѣ, она была брошена; но подвергнуть ее критикѣ не приходило въ голову никому, пока люди не свыклись съ извѣстными способами изслѣдованія экономическихъ явленій, сдѣлавшимися доступными для всеобщаго пониманія, благодаря вліянію Адама Смита и его толкователей.

Въ обыкновенной рѣчи богатство всегда выражается въ деньгахъ. Если вы спросите, какъ богато такое-то лицо, вамъ отвѣтятъ, что у него столько-то фунтовъ. Всѣ приходы и расходы, вся прибыль и потеря, все, съ помощью чего человѣкъ становится богатымъ или бѣднымъ, исчисляется приходомъ или убылью извѣстнаго количества денегъ. Правда, что въ описъ имущества лица вносятся не только деньги, находящіеся въ его распоряженіи или принадлежащіе ему, но и другіе предметы, имѣющіе цѣну; однако они включаются не сами по себѣ, а въ видѣ той суммы денегъ, за которую они могли бы быть проданы; и если ихъ продадутъ дешевле, ихъ собственникъ будетъ считаться менѣе богатымъ, хотя вещи остаются неизмѣнно тѣ же. Правда также, что люди не могутъ богатѣть, оставляя деньги безъ употребленія; они должны согласиться на затрату, для того чтобы получить прибыль. Тѣ, которые обогащаются торговлей, достигаютъ этого, отдавая деньги за товары, равно какъ и товары за деньги, и первое, какъ и послѣднее, составляетъ необходимую часть процесса торговли. Но человѣкъ, покупающій товары съ цѣлью барыша, дѣлаетъ это для того, чтобы продать ихъ снова за деньги, и въ надеждѣ получить денегъ больше, чѣмъ онъ затратилъ; поэтому полученіе денегъ даже ему самому кажется окончательной цѣлью всего. Часто ему уплачиваютъ не деньгами, а товарами, равными по стоимости тѣмъ, которые онъ продалъ. Но онъ принимаетъ ихъ по денежной оцѣнкѣ и

съ убѣжденіемъ, что за нихъ онъ можетъ выручить сумму денегъ, превышающую цѣну, по которой они были ему проданы. Торговецъ, ведущій крупное предпріятіе и дѣлающій быстрые обороты со своимъ капиталомъ, постоянно въ наличности располагаетъ только небольшою частью его. Но для него онъ представляетъ цѣнность только благодаря способности превращаться въ деньги: до тѣхъ поръ сдѣлку онъ считаетъ неоконченною, пока чистый результатъ не будетъ уплаченъ, или оставленъ въ кредитъ, въ деньгахъ. Когда онъ ликвидируетъ дѣла, онъ переводитъ все на деньги, и только тогда считаетъ прибыль реализованною, — совершенно такъ, какъ будто деньги составляютъ единственное богатство и денежная цѣнность представляетъ единственное средство къ достиженію его. Если спросить, для какой цѣли желательны деньги, кромѣ удовлетворенія своихъ или чужихъ нуждъ и прихотей, послѣдователь меркантильной системы этимъ вопросомъ не будетъ поставленъ въ затрудненіе. Правда, скажетъ онъ, это и есть употребленіе богатства, и употребленіе весьма похвальное, пока оно ограничивается внутренними произведеніями, потому что въ этомъ случаѣ вся встраченная сумма обогащаетъ нашихъ соотечественниковъ. Тратите ваше богатство на какія бы то ни было прихоти вашего вкуса, но ваше богатство не въ прихотяхъ, а въ суммѣ денегъ или ежегодномъ денежномъ доходѣ, съ помощью котораго вы ихъ удовлетворяете.

Было много обстоятельствъ, сдѣлавшихъ предположеніе, составлявшее основу меркантильной системы, повидимому, правдоподобнымъ: но есть также нѣкоторое и дѣйствительное основаніе, хотя и очень незначительное, для различія, которое эта система съ такимъ преувеличеніемъ проводитъ между деньгами и другими родами цѣннаго имущества. Мы въ дѣйствительности имѣемъ право измѣрять богатство человѣка не количествомъ пріятныхъ и полезныхъ вещей, которыми онъ фактически пользуется, но его властью надъ всеобщимъ запасомъ пріятныхъ и полезныхъ вещей, его силой удовлетворять потребности и желанія. Деньги представляютъ эту силу сами по себѣ, между тѣмъ какъ другія вещи въ цивилизованномъ обществѣ доставляютъ ее, повидимому, только благодаря своей годности къ обмѣну на деньги. Обладать какимъ-нибудь другимъ предметомъ богатства — значитъ обладать только имъ, а ничѣмъ другимъ: если вы желаете вмѣсто этой получить другую вещь, вы должны сначала продать первую или же подвергнуться неудобствамъ и промедленію, а то и полной неудачѣ, разыскивая человѣка, который бы имѣлъ необходимую для васъ вещь и желалъ бы помѣняться съ вами. Но съ деньгами вы можете купить все, что находится въ продажѣ, и тотъ, чье состояніе заключается въ деньгахъ или въ вещахъ, быстро превращаемыхъ въ деньги, кажется и себѣ, и другимъ обладателемъ не одной только вещи, а всѣхъ вещей, которыя онъ можетъ по желанію пріобрѣсти за деньги. Большая часть полезности богатства (не говоря

объ очень ограниченныхъ суммахъ), заключается не въ доставленномъ имъ удовлетвореніи, а въ сбереженной силѣ, которая находится въ рукахъ владѣльца, для достиженія всѣхъ цѣлей вообще; эту силу никакой родъ богатства не можетъ доставить такъ прямо и вѣрно, какъ деньги. Деньги единственная форма богатства, пригодная не только для одного какого-нибудь извѣстнаго употребленія, а можетъ служить и для всякихъ другихъ цѣлей. И это различіе должно было произвести впечатлѣніе на правительства, такъ какъ оно имѣло большое значеніе для нихъ. Цивилизованное государство получить сравнительно незначительную выгоду отъ налоговъ, если оно ихъ не будетъ собирать деньгами: если же ему предстоятъ большіе и внезапные платежи, въ особенности платежи иностранные или военные расходы, субсидія для завоевательныхъ цѣлей или для отвращенія завоеваній (двѣ главныя задачи національной политики до послѣднихъ временъ), то едва ли возможенъ какой-нибудь другой способъ платежа, кромѣ денегъ. Всѣ эти причины способствовали тому, что и люди и правительства, при исчисленіи своихъ богатствъ, придавали почти исключительное значеніе деньгамъ, а на всѣ другіе предметы, составлявшіе часть ихъ имущества, смотрѣли только какъ на отдаленное средство полученія денегъ, единственнаго предмета, дающаго всеобщую и въ то же время непосредственную власть надъ желаемыми предметами, власть, которая наиболѣе согласуется съ понятіемъ богатства.

Но нелѣпость, все же, остается нелѣпостью, хотя мы и объяснили кажущіяся причины, сдѣлавшія ее правдоподобной. Меркантильная система не могла не представиться въ истинномъ свѣтѣ, какъ только человѣкъ, хотя и несовершеннымъ способомъ, началъ изслѣдовать суть дѣла и отыскивать главныя причины въ элементарныхъ фактахъ, а не въ формахъ и выраженіяхъ обыкновенной рѣчи. Какъ только люди задали себѣ вопросъ, что такое въ дѣйствительности деньги, въ чемъ ихъ существенный характеръ и какова дѣйствительная природа доставляемой ими услуги, то поняли, что деньги, такъ же какъ и другія вещи, желательны только въ силу ихъ полезности, а эта послѣдняя далеко не всеобща, какъ это обманчиво казалось, а, напротивъ, строго опредѣлена и ограничена, и заключается въ томъ, что деньги облегчаютъ распределеніе продуктовъ промышленности сообразно удобствамъ распределяющихъ. Дальнѣйшее размысленіе показало, что полезность денегъ ни въ какомъ случаѣ не увеличивается отъ возрастанія ихъ количества, находящагося въ обращеніи въ странѣ, такъ какъ онѣ одинаково исполняютъ свое назначеніе, какъ бы ни была мала или велика ихъ общая сумма. Два милліона квартирниковъ ржи не прокормятъ столько же лицъ, какъ четыре милліона: но два милліона фунтовъ стерлинговъ произведутъ столько же торговыхъ оборотовъ, столько же купятъ и продадутъ товаровъ, какъ и четыре милліона, хотя по болѣе низкой номинальной цѣнѣ. Деньги сами по себѣ не удовлетворяютъ потребностей; цѣнность ихъ для каждого заклю-

чается въ удобной формѣ, съ помощью которой онъ получаетъ свои доходы всѣхъ видовъ: а эти доходы онъ потомъ, въ болѣе подходящее время, обращаетъ въ формы, могущія ему быть полезными. Какъ бы ни было велико различіе между страной, въ которой существуютъ деньги, и страной, совершенно лишенной ихъ, оно будетъ заключаться только въ наличности извѣстныхъ удобствъ; при помощи денегъ сберегаются время и хлопоты подобно тому, какъ при размолъѣ зерна водяной силой, вмѣсто ручной: деньги (по сраииснію Адама Смита) полезны въ такомъ же родѣ, какъ удобныя дороги. Но считать ихъ богатствомъ будетъ такой же ошибкой, какъ считать поссе, которое можетъ быть самой удобной дорогой къ вашему дому или землѣ, за самый домъ или землю.

Деньги, будучи орудіемъ для удовлетворенія важныхъ общественныхъ и частныхъ потребностей, справедливо считаются богатствомъ; но и все другое, что удовлетворяетъ какой-нибудь человѣческой потребности и чего природа не доставляетъ даромъ, есть также богатство. Быть богатымъ значитъ располагать большимъ запасомъ полезныхъ вещей или средствами покупать ихъ. Итакъ, все, что имѣетъ покупательную силу, въ обмѣнъ за что можно получить что-либо пріятное или полезное, составляетъ часть богатства. Тѣ вещи, за которыя ничто не можетъ быть получено въ обмѣнъ, какъ бы онѣ ни были полезны и необходимы, не составляютъ богатства въ томъ смыслѣ, въ какомъ принято употреблять это слово въ политической экономіи. Напримѣръ, воздухъ хотя и представляетъ предметъ абсолютной необходимости, не имѣетъ рыночной цѣны, потому что имъ можно пользоваться безвозмездно: накопленіе большихъ запасовъ его не доставило бы никому ни прибыли, ни выгоды; изученіе же законовъ его производства и распределенія не относится къ политической экономіи. Но, хотя воздухъ и не богатство, человѣчество, обладая имъ даромъ, имѣетъ огромную выгоду, потому что то время и трудъ, которые нужны были бы на удовлетвореніе самой необходимой потребности, могутъ быть употреблены для другого назначенія. Можно представить себѣ обстоятельства, при которыхъ воздухъ былъ бы частью богатства. Если бы вошло въ обыкновеніе продолжительное пребываніе въ мѣстѣ, куда воздухъ не проникаетъ естественнымъ образомъ, какъ, напримѣръ, на днѣ моря въ водолазномъ колоколѣ, то искусственно доставленный воздухъ имѣлъ бы цѣну, подобно водѣ, проведенной въ дома; или же, если бы, вслѣдствіе какихъ-нибудь переворотовъ въ природѣ, атмосфера стала недостаточной для потребленія, или была бы монополизирована, то воздухъ также пріобрѣлъ бы очень высокую рыночную цѣнность. Въ этомъ случаѣ обладаніе имъ въ размѣрѣ, превышающемъ собственную необходимость, было бы для его собственника богатствомъ. Но съ перваго взгляда могло бы показаться, что общее богатство человѣчества увеличилось вслѣдствіе перемѣны, послужившей для него величайшимъ бѣдствіемъ. Ошибка заключалась бы въ упущеніи изъ виду того, что,

какъ бы богатъ ни сдѣлался владѣлецъ воздуха въ ущербъ всему обществу, всѣ остальные стали бы бѣднѣе на всю ту сумму, которую они принуждены были бы платить за предметъ, получаемый ими раньше безвозмездно.

Это ведетъ къ важному различію въ значеніи слова «богатство» въ случаяхъ, когда оно примѣняется къ имуществу отдѣльнаго лица или къ имуществу націи и человѣчества. Въ богатство человѣчества включается только то, что само по себѣ служитъ полезнымъ или пріятнымъ цѣлямъ. Для частнаго лица будетъ богатствомъ все то, что хотя само по себѣ и бесполезно, но даетъ ему возможность требовать отъ другихъ части изъ ихъ запасовъ полезныхъ и пріятныхъ вещей. Возьмемъ, напримѣръ, закладную въ тысячу фунтовъ на поземельную собственность. Она составляетъ богатство для лица, которое получаетъ по ней проценты и которое, при желаніи, можетъ продать ее на рынкѣ за всю сумму долга. Но это не есть богатство для страны; если обязательство будетъ уничтожено, отъ того страна не сдѣлается ни богаче, ни бѣднѣе: кредиторъ потерялъ бы тысячу фунтовъ, а собственникъ земли выигралъ бы ихъ. Для націи закладная сама по себѣ не составляла богатства, а только давала право А. на часть богатства В. Это есть богатство А, которое онъ можетъ передать третьему лицу: но то, что онъ передаетъ такимъ образомъ, было бы правомъ участія во владѣніи въ размѣрѣ 1000 фунтовъ на землю, единственнымъ собственникомъ которой номинально является В. Таково же положеніе акціонеровъ или государственныхъ кредиторовъ: имъ принадлежитъ залоговое право на богатство страны. Уничтоженіе долга не было бы уничтоженіемъ богатства, а только перемѣщеніемъ его, несправедливымъ похищеніемъ богатства у нѣкоторыхъ членовъ общества. для пользы правительства или плательщиковъ налоговъ. Поэтому государственныя процентныя бумаги нельзя считать частью національнаго богатства. Это не всегда принимается во вниманіе занимающимися статистическими вычисленіями. Напримѣръ, при вычисленіяхъ валового дохода страны, основанныхъ на суммѣ подоходнаго налога, доходы съ государственныхъ бумагъ не всегда бываютъ исключены: а между тѣмъ плательщики налога облагаются по ихъ общему номинальному доходу, безъ допущенія вычета изъ него части, взимаемой въ видѣ налоговъ для образованія дохода государственныхъ кредиторовъ. При такомъ вычисленіи, часть общаго дохода страны считается дважды, и полученная сумма превышаетъ фѣйствительную почти на тридцать милліоновъ. Какъ бы то ни было, страна можетъ включать въ свое богатство все имущество ея гражданъ, заключающееся въ иностранныхъ долговыхъ обязательствахъ, какъ государственныхъ, такъ и частныхъ. Но все же эти обязательства являются богатствомъ для нея только потому, что даютъ право на часть собственности изъ богатства другихъ. Они не составляютъ части общаго богатства человѣчества. Они имѣютъ значеніе для распредѣленія, а не для состава общаго богатства.

Предлагали опредѣлять богатство какъ однозначачее съ понятіемъ «орудія», подразумѣвая подъ этимъ не только инструменты и машины, а всю совокупность средствъ, которыми располагаютъ для достиженія цѣлей отдѣльные лица или общества. Напримѣръ, поле—орудіе, потому что оно есть средство для добыванія зерна. Зерно—орудіе, потому что оно есть средство для добыванія муки. Мука—орудіе, потому что она есть средство для добыванія хлѣба. Хлѣбъ—орудіе, какъ средство для удовлетворенія голода и поддержанія жизни. Тутъ мы, наконецъ, приходимъ къ вещамъ, которыя не будутъ орудіемъ, потому что онѣ составляютъ предметъ желаній самъ по себѣ, не какъ простое средство для достиженія чего-нибудь послѣдующаго. Этотъ взглядъ на предметъ философски неправиленъ, или же, лучше сказать, этотъ способъ выраженія можетъ быть съ пользою употребленъ вмѣстѣ съ другими, не для выраженія какого-нибудь особеннаго взгляда, отличнаго отъ обыденнаго, а для приданія послѣднему большей ясности и реальности. Однако это опредѣленіе слишкомъ далеко отступастъ отъ разговорной рѣчи, для того, чтобъ оно вошло во всеобщее употребленіе или же получило какое-нибудь примѣненіе для другихъ цѣлей, кромѣ этого случайнаго толкованія.

Другой примѣръ имуществъ, которое является богатствомъ для лица, владѣющаго имъ, но не будетъ богатствомъ для націи и человѣчества, представляютъ рабы. По странному смѣшенію понятій, имущество изъ рабовъ входитъ, по числу головъ, въ счетъ богатства или капитала той страны, которая допускаетъ существованіе подобной собственности. Если человѣческое существо, рассматриваемое какъ предметъ, обладающій производительными силами, составляетъ часть національнаго богатства въ томъ случаѣ, когда его силами завладѣлъ другой, то съ такимъ же правомъ онъ будетъ составлять часть этого богатства, когда будетъ имъ владѣть самъ. Какъ бы высоко его ни цѣнили хозяинъ, эта цѣнность будетъ похищена у самого раба, и это похищеніе не можетъ увеличить ни имущества нѣхъ обоихъ вмѣстѣ, ни имущества страны, къ которой они оба принадлежатъ. Однако, при правильной классификаціи, нельзя населеніе страны считать въ составъ ея богатства. Богатство существуетъ для людей. Понятіе богатства выражаетъ желаемые предметы, которыми люди владѣютъ, не включая въ это понятіе самихъ владѣтелей, а противопоставляя ему ихъ. Они не богатство самъ для себя, хотя и служатъ средствомъ для него.

Итакъ, богатство можно опредѣлить какъ всѣ полезныя и пріятныя вещи, имѣющія мѣговую цѣнность, или, другими словами, всѣ полезныя и пріятныя вещи, за исключеніемъ тѣхъ, которыя могутъ быть получены въ желаемомъ количествѣ, безъ труда и жертвъ. Противъ этого опредѣленія, кажется, можно возразить только то, что оно оставляетъ безъ разъясненія вопросъ, дебатировавшийся много разъ: слѣдуетъ ли считать богатствомъ то, что называется невещественными продуктами? Напримѣръ, слѣдуетъ ли

считать богатствомъ искусство рабочаго, или же какую-нибудь другую физическую или умственную силу, естественную или приобретенную? Но этотъ вопросъ не имѣетъ большого значенія, и будетъ удобнѣе рассмотреть его въ другомъ мѣстѣ, насколько онъ этого заслуживаетъ *).

Изложивъ предварительныя понятія о богатствѣ, мы теперь обратимъ наше вниманіе на чрезвычайныя различія въ немъ, существующія у разныхъ народовъ и въ разные вѣка,—различія въ количествахъ богатства, видахъ его и способахъ распредѣленія его между членами общества.

Въ настоящее время, вѣроятно, нѣтъ такого народа или такого общества, которое бы всецѣло существовало продуктами дикой растительности. Но много еще есть племенъ, живущихъ исключительно, или почти исключительно, насчетъ дикихъ животныхъ, продуктами охоты или рыбной ловли. Ихъ одежда—шкуры; ихъ жилища—лачуги, грубо сдѣланныя изъ бревенъ или вѣтвей и оставляемыя при первой необходимости. Пища ихъ не можетъ долго сохраняться; вслѣдствіе этого у нихъ нѣтъ запасовъ, и они часто подвергаются большому лишеніямъ. Богатство такого общества состоитъ единственно изъ шкуръ, въ которыя одѣваются дикари, изъ нѣсколькихъ украшеній, которыя большинство изъ нихъ любятъ, небольшого количества грубой посуды, оружія для охоты и борьбы съ соперниками за средства къ существованію, челноковъ для переправы черезъ рѣки и озера или для рыбной ловли на морѣ. да, можетъ быть, изъ нѣсколькихъ мѣховъ или же другихъ продуктовъ дикой природы, собранныхъ для обмена у цивилизованныхъ народовъ на одѣяла, воину и табакъ; изъ этихъ иностранныхъ продуктовъ можетъ кое-что оставаться въ запасѣ. Къ этому скудному перечню матеріальнаго богатства можно еще прибавить ихъ землю, орудіе производства, изъ которой они, по сравненію съ болѣе культурными обществами, извлекаютъ самую слабую пользу, но которая все же служитъ источникомъ ихъ существованія и имѣла бы цѣну на рынкѣ, если бы по сосѣдству жило земледѣльческое общество, нуждающееся въ большемъ количествѣ земли. Это есть положеніе самой крайней бѣдности, въ какой только можетъ существовать, по нашимъ свѣдѣніямъ, человеческое общество; однако есть и болѣе богатые общества, въ которыхъ часть жителей, въ отношеніи средствъ существованія и житейскихъ удобствъ, находятся не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ дикари.

Первый большой успѣхъ при выходѣ изъ этого положенія заключается въ прирученіи наиболѣе полезныхъ животныхъ; это даетъ начало пастушеской или кочевой жизни, при которой человѣкъ живетъ не охотой, а молокомъ и его продуктами, а также и ежегоднымъ приращеніемъ своихъ стадъ. Это положеніе не только желательно само по себѣ, но оно болѣе способствуетъ дальнѣйшему прогрессу и накопленію богатствъ. Пока общины

*) См. ниже, кн. I, гл. 3.

естественныя пастбища заняты не настолько, чтобъ ихъ продукты потреблялись быстрѣе, чѣмъ произрастаютъ, населеніе можетъ сохранять и увеличивать запасъ предметовъ необходимости, затрачивая на это труда немногимъ; болѣе того, сколько требуется для охраненія скота отъ нападеній дикихъ звѣрей или отъ силы и коварства грабителей. Въ этомъ періодѣ обширныя стада приобретаемы отдѣльными лицами, благодаря ихъ собственной дѣятельности и бережливости, и родоначальниками племенъ—благодаря усиліямъ подчиненныхъ имъ лицъ. Такимъ образомъ въ поступеской жизни возникаетъ неравенство имуществъ, почти не существующее у дикарей, гдѣ каждый имѣетъ только безусловно необходимое, а въ случаяхъ бѣдствій долженъ и этимъ дѣлиться со своимъ племенемъ. Между кочевниками нѣкоторые имѣютъ изобиліе скота, достаточное для прокормленія множества лицъ, между тѣмъ какъ другіе не сумѣли приобрести и удержать за собой излишка, или не имѣютъ и вовсе скота. Но средства къ существованію сдѣлались обезпеченными съ тѣхъ поръ, какъ болѣе счастливые стали употреблять свои излишки для прокормленія менѣе счастливыхъ, вслѣдствіе того, что всякое увеличеніе числа лицъ подчиненныхъ даетъ подчинившимъ большую силу и обезпеченность. Такимъ путемъ послѣдніе получаютъ возможность сложить съ себя всякую работу, кромѣ управленія и надзора, и приобретаютъ подчиненныхъ, обязанныхъ сражаться на войнѣ и служить имъ въ мирное время. Главная характеристическая черта этого положенія общества заключается въ томъ, что часть его, и даже до нѣкоторой степени все общество, пользуется досугомъ. Только часть времени нужна на добываніе пищи; остальное время не занято тревожными мыслями о завтрашнемъ днѣ или же необходимымъ отдыхомъ отъ мускульной работы. Такая жизнь чрезвычайно благоприятствуетъ появленію новыхъ потребностей и даетъ средства къ ихъ удовлетворенію. Является потребность въ одеждѣ, посудѣ, во всевозможныхъ орудіяхъ лучшаго качества, чѣмъ тѣ, которыя удовлетворяли дикарей; а излишекъ пищи дѣлаетъ возможнымъ посвятить для этихъ потребностей силы нѣкоторой части племени. Во всякомъ или почти во всякомъ кочующемъ обществѣ мы видимъ домашнія производства, иногда грубыя, а иногда и искусныя. Существуютъ несомнѣнные доказательства, что страны, бывшія колыбелью современной цивилизаціи, еще въ кочевомъ періодѣ достигли большого искусства въ пряденіи, приготовленіи тканей, крашеніи шерстяныхъ одеждъ, выдѣлкѣ кожъ, а также и въ еще болѣе трудномъ изобрѣтеніи—обработкѣ металловъ. Даже умозрительныя науки зарождаются вслѣдствіе досуга, который присущъ этой степени общественнаго развитія. Самые раннія астрономическія наблюденія приписываются, по преданію, имѣющему, правда, много вѣроятій, халдейскимъ пастухамъ.

Переходъ отъ этого состоянія общества къ земледѣльческому былъ не легокъ (всякая большая перемена въ привычкахъ чело-
вѣчества не можетъ не быть тяжелой: она вообще или мучительна.